

Курт ВОННЕГУТ;

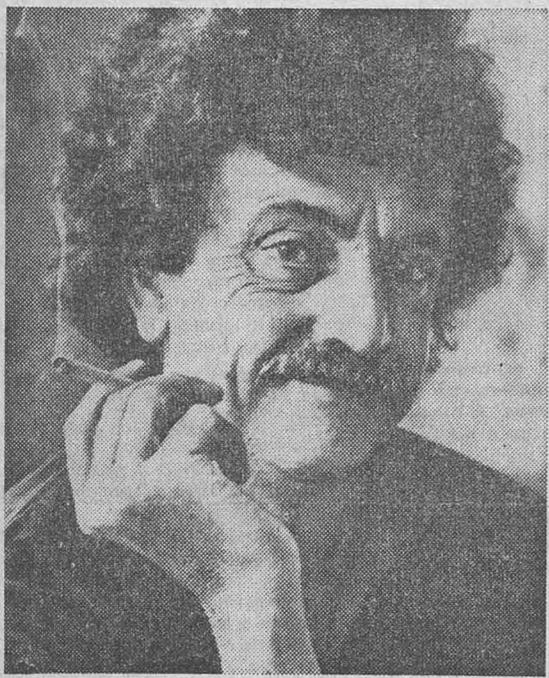
«ИСТИННУЮ БОЛЬ ПРИЧИНЯЮТ ЛОЖЬ И БЕСЧЕСТНЫЕ ПОСТУПКИ»

ВО ЧТО Я ВЕРЮ

Американский писатель Курт Воннегут хорошо известен советскому читателю как своими романами и рассказами — «Бойня № 5, или Крестовый поход детей», «Колыбель для кошки», «Утопия 14» и другими, — так и страстными публицистическими выступлениями в защиту мира и прогресса.

Сегодня мы предлагаем нашим читателям новую встречу с Куртом Воннегутом. Недавно в США вышла в свет его книга «Верное воскресенье». В нее вошли статьи, речи, эссе и интервью последних лет. Вместе

с тем это не просто сборник разрозненных выступлений писателя, а оригинальное литературное произведение не совсем обычного жанра, который сам автор определил как «автобиографический и й коллаж». Со страниц этой книги перед нами предстает писатель, чьи взгляды на современный мир и на литературу проникнуты глубокой верой в человека и презрением к тем, кто стремится подорвать эту веру, кто «играет» в опасные «игры» с ядерным, бактериологическим и прочими видами оружия массового уничтожения.

Из письма Чарльзу Маккарти,
Дрейк, штат Северная Дакота,
16 ноября 1973 года

Дорогой господин Маккарти!

Пишу вам как председателю школьного совета Дрейка. Я один из тех американских писателей, чьи книги были сожжены в вашей школьной печке, ставшей отныне знаменитой.

Кое-кто из ваших земляков счел мои сочинения безнравственными. Это меня до крайности обидело. Складывается впечатление, будто у вас в Дрейке к писателям и их книгам относятся как к чему-то нереальному. Этим письмом я хочу доказать вам, что я — вполне реальная фигура.

Смею вас также заверить, что ни я, ни мой издатель никоим образом не воспользовались отвратительными известиями из Дрейка в своих интересах. Мы не хлопали друг друга по спине, радостно подсчитывая, сколько книг продадим благодаря такой рекламе. Мы не выступали по телевизору, не писали гневные опровержения в газеты, не давали пространств интервью. Гнев, боль и уныние овладели нами. Это письмо тоже не послано никому, кроме вас. Вы держите в руках единственный экземпляр. Это сугубо личное письмо, адресованное жителю Дрейка, которые так постарались испортить мою репутацию сперва в глазах своих собственных детей, а потом и всего мира. Достанет ли вам мужества и элементарной порядочности, чтобы показать это письмо людям, или ему тоже суждено исчезнуть в пламени вашей печки?

Насколько я понял из газетных статей и телевизионных передач, вы представляете меня и некоторых других писателей этими мерзкими крысоподобными людиками, которые с наслаждением растлевают умы молодежи и в придачу на этом наживаются. На самом деле я крупный, физически сильный мужчина пятидесяти одного года от роду, хорошо познавший еще в детстве тяжесть фермерского труда и сегодня не гнушающийся работать руками. Я вырастил шестерых детей — троих родных и троих приемных. Все они вышли в люди. Двое стали фермерами. В годы второй мировой войны я был на фронте в

пехоте, награжден медалью «Пурпурное сердце». Все, что есть у меня сегодня, добыто тяжелым трудом. Я никогда не подвергался аресту или судебному преследованию. Мне доводилось преподавать в Гарварде, университете штата Айова и нью-йоркском колледже, так что молодежь мне вполне доверяет, как, впрочем, и я ей. Ежегодно я получаю не менее дюжины приглашений выступить на выпускных торжествах в колледжах и средних школах. Мои книги используются в школах, пожалуй, чаще, чем произведения любого другого ныне здравствующего американского беллетриста.

Если бы вы, как подобает образованному человеку, удосужились прочесть мои сочинения, вы бы убедились, что в них не проповедаются ни секс, ни насилие в какой-либо форме. Они призывают нас быть добрее и ответственнее в своих поступках, чем мы себе часто позволяем. Да, некоторые персонажи выражаются грубо, но лишь потому, что и в реальной жизни люди позволяют себе употреблять подобные выражения. Особенно солдаты и люди физического труда, и это известно любому ребенку, даже самому изнеженному. Да, все мы знаем, что грубые слова не так уж и портят детей, как они не испортили нас, когда мы сами были детьми. Истинную боль причиняют ложь и бесчестные поступки.

Я вычитал из газет, что жители Дрейка недоумевают, почему их поступок вызвал столь гневный протест по всей стране. Что ж, вы хотя бы открыли для себя, что не всякий американец согласен мириться с подобным варварством своих земляков. Надеюсь, вы поймете наконец, что люди из самых лучших чувств считают книги священными и что войны всегда велись именно против тех народов, которые ненавидели книги и сжигали их... Сперва осудив, а затем уничтожив книги, которые даже не удосужились прочесть, вы преподали молодежи скверный урок.

***

...Это произошло семь лет назад. Ответа я не получил до сих пор. И вот сейчас, когда я пишу эти строки, «Бойня номер пять» изняли из школьных библиотек совсем неподалеку отсюда, в каких-нибудь пятидесяти милях от Нью-Йорка.

Из письма в «Нью-Йорк таймс»
от 24 марта 1976 года

Школьный совет, на этот раз Левиттауна, вновь предал анафеме несколько книг. Среди них была и моя. О подобных акциях, столь же бессмысленных, как и эта, я слышу не реже двух раз в год. Однажды — это было в Северной Дакоте — книги попросту сожгли в печке. До чего невежественным, тупым и суеверным был этот поступок...

В придачу еще и малодушным: устроили дешевой спектакль с неодоушевыми актерами...

Интервью, взятое у себя самого
Фразы, произносимые писателями вслух, редко выражают именно то, что хотел ска-

зать писатель, если они сперва не изложены на бумаге. Вообще-то, писатели — ораторы никудашные, и в этом повинно их ремесло, которое вынуждает их целые годы, если понадобится, проводить за письменным столом, тщательно взвешивая каждую новую мысль и обдумывая, как ее лучше выразить. Интервьюеры норовят ускорить этот процесс. Они, так сказать, трепанируют писателей, пытаясь выудить из их мозга неизрасходованные идеи, которые иначе могли бы и не появиться на свет божий. Этим жестоким способом не удалось открыть пока ни единой идеи, но писателей тем не менее продолжают трепанировать каждый день.

Сегодня я говорю «нет» всякому, кто еще надеется покопаться в моей черепной коробке.

Извлечь что-либо из мозга писателя можно, лишь оставив его наедине с самим собой до тех пор, пока он не будет готов, черт возьми, изложить все на бумаге.

Воннегут. Возможно, что «Балаган» действительно очень плохая книга. Охотно верю. Кругом все пишут плохие книги, так чем же я хуже? Странно лишь то, что авторы рецензий пытались убедить людей, что я никогда не писал ничего путного. Рецензент из воскресной «Таймс» в открытую потребовал, чтобы критики, которые прежде хвалили меня, признали свою неправоту. Сэм Лоуренс, мой издатель, пытался утешать меня, говоря, что, дескать, подобные нападки — удел всех писателей, ставших богатыми.

Интервьюер. А вы нуждались в утешении?

Воннегут. Сроду не чувствовал себя хуже. Казалось, что я снова сплю стоя в товарном вагоне, идущем по нацистской Германии.

Интервьюер. Неужели так было плохо?

Воннегут. Может быть, не настолько, но вполне достаточно. Ни с того ни с сего критикам вздумалось раздвигать меня, как букашку. И не только потому, что у меня нежданно-негаданно завелись деньги. В подтексте звучало, что я варвар, что я игнорирую классиков литературы, что я не джентльмен, поскольку охотно печатаю банальности в журнальчиках низкого пошиба, что я не отдал свой академический долг...

Интервьюер. Вы намерены сопротивляться?

Воннегут. В некотором роде. Я состою в совете по искусству штата Нью-Йорк, и когда мои коллеги по совету начинают высказывать будущим писателям из числа студентов филологических факультетов, я всякий раз повторяю: «Ищите их среди химиков и антропологов, астрономов и физиков, среди медиков и юристов. Именно там вы найдете писателей».

Интервьюер. Вы верите в это?

Воннегут. Хорошо, когда создатель художественного произведения знает что-нибудь еще, кроме истории литературы. Он от этого только выиграет. Литература, если хотите, не должна кусать себя за хвост.

Интервьюер. Давайте поговорим о женщинах в ваших книгах.

Воннегут. А их там попросту нет — ни реальных женщин, ни любви.

Интервьюер. Здесь есть какой-то внутренний смысл?

Воннегут. Это лишь техническая проблема. Слишком многое в сочинительстве — дело техники, необходимой для того, чтобы рассказ зазвучал. Вот, скажем, ковбойские рассказы или детективы заканчиваются стрельбой, ибо стрельба для них — лучший финал. Смерть помога-

ет легко произнести искусственное слово «конец». В своих книгах я стараюсь держаться подальше от любовных страстей. Стоит позволить им ужалить героев, как уже ни о чем ином нельзя говорить. Читатели и слышать не хотят о другом. Они помешались на любви. Пусть грядет третья мировая война или небеса потемнели от летающих тарелок — неважно: если в рассказе влюбленный добивается взаимности, значит, пора ставить точку.

Интервьюер. Стало быть, вы держитесь от любви подальше?

Воннегут. У меня есть и другие темы для разговора...

Интервьюер. Но когда-нибудь все-таки вы напишете о любви?

Воннегут. Возможно. В жизни у меня любви предостаточно, поверьте. Но как бы удачно ни складывалась моя любовная жизнь, я нередко ловлю себя на одной и той же мысли: «Боже всемогущий, неужели мы не можем хотя бы чуть-чуть поговорить о чем-нибудь другом!» Кстати, знаете, что действительно смешно?

Интервьюер. Нет.

Воннегут. По всей стране мои книги изымают из библиотек как непристойные. Я собственными глазами видел письма в газеты, в которых «Бойня номер пять» ставили на одну доску с «Глубокой глоткой» и «Хаслером». Интересно, кого это «Бойня номер пять» довела до экстаза?

Из речи на выпускной церемонии
в колледже Фредония,
штат Нью-Йорк

Одна из причин, по которой мне хочется выглядеть на бумаге смешнее, чем большинству моих собратьев по перу, — немецкая фамилия, которую я ношу и которая почти любому американцу — хоть на мельчайшую долю секунды — может напомнить о том, что немцы были нашими врагами в двух мировых войнах. Услышав немецкую фамилию, я сам, бывший военнопленный, тоже, пусть на секунду, но вспоминаю об этом. Я был на нашей стороне, помните?

Преимущество писателя, обладающего чувством юмора, состоит в том, что он может рассказать о чем-то смешном в жизни, и будет действительно смешно. Большинство же современных американских писателей, особенно тех, чье величие измеряется толщиной их книг, не в состоянии никого рассмешить даже тогда, когда это необходимо. Так что им приходится делать вид, будто они пишут на очень серьезные темы, скажем, о добре и зле — о вещах, которыми шутить не положено. Оттого их книги всегда такие мрачные, как физиономии сыщиков.

Шутники пишут коротко, что уже само по себе в эпоху, когда литературные достоинства книги измеряются по весу, лишает их многих преимуществ в глазах общества. Дело в том, что шутка настолько точно выражает любую мысль, что к меткой фразе и добавить нечего. Приходит черед новой мысли, и снова — острая шутка.

Речь на антиядерном митинге
в Вашингтоне 6 мая 1979 года

Я обескуражен. Все мы обескуражены. Мы, американцы, умудрились настолько неуклюже распорядиться судьбой нашего народа, что теперь приходится защищать себя от своего собственного правительства и промышленных боссов. И это на глазах у всего мира.

Другого выхода нет, иначе — смерть. Мы изобрели новейший способ семейного, так сказать, самоубийства, самоубийства по преподобному Джиму Джонсу, когда погибнут сразу миллионы. В чем заключается этот способ? В бездействии и молчаливом созерцании того, как некоторые наши военные и бизнесмены распоряжаются самими нестойкими веществами и самыми стойкими ядами, какие только можно отыскать во вселенной.

До чего же глупы эти люди, забавляющиеся такими химическими веществами! До чего же они безнравственны! Как безнравственны их попытки скрыть от всех нас правду о том, насколько омерзительно атомное оружие и атомные установки.

Вся эта ложь об атомной энергии облечена в столь изящную форму, что не уступает шедеврам Бенвенуто Челлини. И построена она, должен сказать, куда надежнее, чем сами атомные установки. Я считаю, что всю эту ложь выдумывают маленькие грязные обезьяны. Я их ненавижу. Они считают себя разумными существами. Черта с два! Они смердят. Дайте им волю, и они, вооружившись своей грязной, тупой ложью, уничтожат все на нашей зелено-голубой красавице планете.

Перевед с английского
Сергей ТАРТАКОВСКИЙ

* «Глубокая глотка» — порнографический фильм. «Хаслер» — порнографический журнал.